

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЬ

1
306
1917
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 24

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

ИЮЛЬ

Рис. Ре-ми.

СЕМЬЯ НЕ БЕЗЪ УРОДА.

Дѣдушка русской революціи, бабушка ея и внукъ, — тоже ея.

Кропоткинъ: — А знаешь, старая, вѣдь внучекъ-то у насъ совсѣмъ другой марки...
Брешко-Брешковская: — Да съ. Германской марки. Ребенокъ сполна оплаченный.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 Г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства

отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5³/₄% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

ВОЗЗВАНІЕ.

Эй, товарищи-капиталисты!
 Спекулянты! Маклеры! Купцы!
 Бабы! Дамы! Тещи! Гимназисты!
 Баритоны! Благородные отцы!
 Ленинцы! Портнихи! Балерины!
 Забастовщики! Буржуи! Мужики!
 Кто не хочет без толку гнуть спины,
 Доставайте ваши кошельки!
 Всѣ, кто скорбно вниз свой нос повѣсилъ,
 Охвостѣвши отъ стоянія въ хвостахъ,
 Будетъ снова бодръ, здоровъ и веселъ,
 Будетъ ѣсть съ улыбкой на устахъ, —

Но для этого мы просимъ и зовемъ,
 Подпишитесь всѣ скорѣе на заемъ.

Вотъ какъ будетъ родина здоровой
 И оправится отъ всѣхъ своихъ скорбей,
 Станетъ снова дойною коровой
 Для своихъ возлюбленныхъ дѣтей.
 Даже вы, товарищи-громилы,
 Если кассу станете громить,
 Не потратите задаромъ ваши силы,
 А найдете, чѣмъ карманъ набить.
 Нужно быть отмѣннымъ идиотомъ,
 Чтобы упустить такой моментъ:

Вдругъ прослыть великимъ патриотомъ
 И вдобавокъ — получить процентъ!

Вотъ поэтому мы просимъ и зовемъ,
 Подпишитесь поскорѣе на заемъ.

Пусть мой голосъ раздастся гулко —
 Эй! Товарищи-обжоры, старъ и младъ!
 Всѣ, кому мила телятина и булка,
 Кто забыть не можетъ шоколадъ —
 Безъ различья возрастовъ и націй,
 Дружно къ кассамъ! Смѣло всѣ за мной,
 Покупайте столько облигацій,
 Сколько можно снести пѣшкомъ домой.
 Знайте: вы спасаете Россію!
 Вамъ за то воздвигнуть монументъ,
 И, повинность исполняя сію,
 Вы еще получите процентъ!

И для этого мы просимъ и зовемъ,
 Подпишитесь поскорѣе на заемъ.

Теффи.

НАПОЛЕОНЪ.

Баронъ Шнупъ.

Анна Николаевна.

Баронъ лежитъ, развалясь въ креслѣ,
 задржавъ ноги кверху, курить, пускаетъ дымъ
 колечками и старается воткнуть палецъ въ
 колечко. Напѣваетъ на мотивъ матчиша:

Ouvrez votre dentelle
 Mademoiselle ...

Анна Николаевна (вбѣгаетъ, въ шляпѣ): — Cher baron!

Баронъ (вскакиваетъ, перепуганный): —
 Ай! Ай! Уфъ! до чего вы меня перепугали!
 Уфъ, какъ сердце...

Анна Ник.: — Да, что съ вами, cher
 baron?

Баронъ: — Я думалъ, что это, эти...
 коммунисты. Я тутъ сидѣлъ, работалъ, углубился
 и вдругъ слышу, кто-то кричитъ: «Cher baron!» Я
 и рѣшилъ, что это меня рѣзать пришли. Ни-
 нишъ, chérie! Дайте вашу ручку (хочетъ поцѣловать
 ей руку).

Анна Ник. (выбывая руку, пицить): —
 Ай, ай! Нельзя, нельзя, нельзя! Что вы дѣ-
 лаете! Мнѣ нельзя руку цѣловать!

Баронъ: — А? А что у васъ съ рукой?

Анна Ник.: — Я не дама. Я делегатка.

Баронъ: — А? Что галко?

Анна Ник.: — Я, я. Я делегатка отъ
 перваго женскаго общества распространенія
 просвѣтительныхъ идей космографіи среди
 бездѣтныхъ матерей.

Баронъ: — Бездѣтныхъ матерей?

Анна Ник.: — Ну да. Понимаете? — мать и вдругъ
 у нея совершенно нѣтъ никакихъ дѣтей. Вѣдь это очень
 тяжело. Такъ вотъ, чтобы чѣмъ-нибудь утѣшить...

Баронъ: — Ну, это чрезвычайно великодушно съ вашей
 стороны!

Анна Ник.: — Такъ вотъ я делегатка отъ этого обще-
 ства. Для сокращенія я называю себя просто: д. о. п. ж. о.
 р. п. и. к. с. б. м.

Баронъ: — Бе... ме... ке... да это оченъ...

Анна Ник.: — Общество выбрало меня своей делегат-
 кой и направило къ вамъ.

Баронъ (испуганно): — Ко мнѣ? Но вѣдь я же не без-
 дѣтная мать!

Анна Ник.: — Это уже по другому дѣлу. И чего вы все
 путаетесь? Меня просили просить васъ, чтобы вы согласи-
 лись быть Наполеономъ. Да! Да! Голубчикъ! Милень-
 кій! Вы не должны отказываться! Теперь всѣ кричатъ, что
 только Наполеонъ спасетъ Россію. Такъ вотъ намъ необхо-
 димо, чтобы именно наше общество первое отыскало Напо-
 леона, нужно торопиться. Я увѣрена, что черезъ мѣсяцъ
 у насъ будетъ по два Наполеона на каждую улицу. А мы
 не хотимъ плестись въ хвостъ. Ну, милочка, не отказывай-
 тесь!

Баронъ: — Но почему же именно я? Я совсѣмъ не под-
 готовленъ.

Анна Ник.: — Ахъ, не спорьте! Именно вы! Изъ
 всѣхъ моихъ знакомыхъ вы самый сильный и властный.

Баронъ (скромно): — Да... положимъ, это вѣрно. Го-
 ворятъ, что мой взглядъ трудно выдержать и потомъ я очень
 страшень въ гнѣвѣ.

Анна Ник.: — Ну, вотъ, видите! Ахъ, какъ чудесно!
 А скажите, у васъ есть эта... какъ ее... ну, эта... ко-
 торая на вокзалахъ бываетъ?

Баронъ: — Буфетъ?

Анна Ник.: — Ахъ, что за вздоръ, эта — къ которой
 поѣзда...

Баронъ: — Платформа?

Анна Ник.: — Ну, да. Какъ не стыдно, — политикой
 занимается и такого простого слова не знаетъ. Ну, такъ
 говорите, — есть у васъ политическая платформа?

Баронъ (гордо разваливается въ креслѣ и задираетъ но-
 ги): — Да. Я уже объявилъ себя пролетаріемъ. И я, и ба-
 ронъ Шлакентъ, и Жоржъ и Вово маленький, — мы всѣ объ-
 вили себя безработными пролетаріями. Изъ министерства
 насъ всѣхъ выперли.

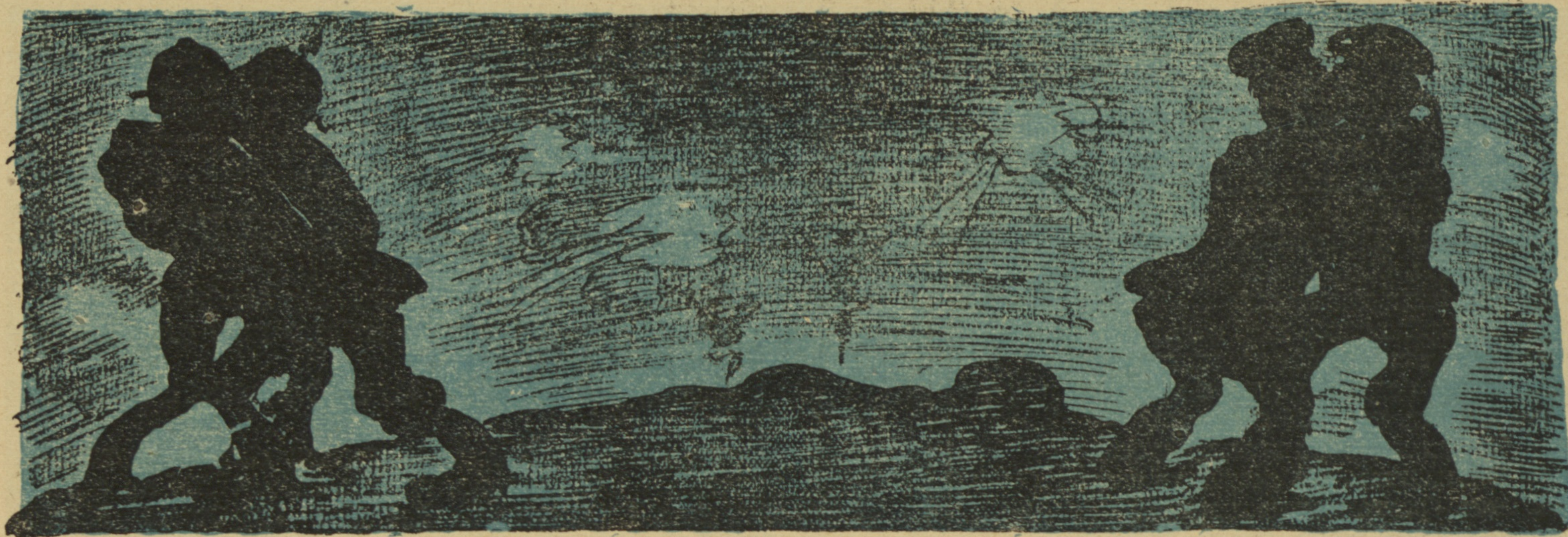
РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ.

Рис. Н. Радлова.

— За этимъ человѣкомъ надо послѣдить. Его вчера выгнали изъ кон-
 торы, вотъ онъ и сердится. Смотрите, еще объявить мѣтную республику...

Что кажется ночью на русско-германскомъ фронтѣ

Анна Ник.: — C'est affreux! Что же вы теперь дѣлаете?

Баронъ: — Самоопредѣляемся. Стараемся самоопредѣлиться на хорошее мѣсто съ приличнымъ жалованьемъ.

Анна Ник.: — Ахъ, chère garçon! Идите лучше къ намъ въ Наполеоны!

Баронъ: — И пожалуйста не называйте меня больше «chère garçon». Я больше уже не баронъ Шнупъ. Я выбралъ себѣ партійный псевдонимъ: Левъ Толстой. Товарищъ Левъ Толстой. C'est joli? Hein?

Анна Ник.: — Очень, очень мило. Но знаете, chère... то есть, товарищъ баронъ, вы, кажется, стали совершенно красный?

Баронъ: — Да, абсолютно. Лѣвѣе меня совсѣмъ ужъ никого нѣтъ. И я того мнѣнія, что всѣхъ нужно рѣзать. Прежде всего пусть солдаты перерѣжутъ всѣхъ своихъ офицеровъ.

Анна Ник.: — Ахъ, chère товарищъ, но кто же тогда будетъ командовать?

Баронъ: — Солдаты выберутъ офицеровъ изъ своей среды.

Анна Ник.: — Но, вѣдь для того, чтобы быть офицеромъ, нужно знать какія-то военныя науки, — тактику, фортификацію...

Баронъ: — Выучать.

Анна Ник.: — А если выучать, такъ вѣдь они тогда станутъ настоящими офицерами. Что же тогда дѣлать?

Баронъ: — За-рѣ-зять.

Анна Ник.: — А кто же будетъ командовать?

Баронъ: — Ахъ, ты Господи! Солдаты выберутъ изъ своей среды!

Анна Ник.: — Такъ вѣдь имъ же придется науки учить!

Баронъ: — Ну, и выучать.

Анна Ник. (чуть не плача): — Такъ вѣдь они тогда настоящими офицерами станутъ!

Баронъ: — А тогда — за-рѣ-зять.

Анна Ник.: — Да вѣдь вы тогда всю нашу армию перерѣжете.

Баронъ: — Ну, что же — вотъ война и кончится сама собой.

Анна Ник.: — Ахъ, chère garçon, какъ это все планомѣрно! Нѣтъ, вы непременно должны идти къ намъ въ Наполеоны.

Баронъ: — А какія будутъ мои обязанности?

Анна Ник.: — Вы должны быть... какъ вамъ это объяснить... должны быть большого роста, очень величественнымъ, выйти и рявкнуть. Всѣ сейчасъ и объединятся и продовольственный кризисъ наладится. У насъ это все подробно обдуманно.

Баронъ: — Позвольте, я не могу рявкать. Мои голосовыя связки очень нѣжны. Нѣтъ, рявкать я не могу.

Анна Ник.: — Ахъ, Боже мой! Ну, тогда просто возьмите ружье...

Баронъ (въ ужасѣ): — Я? Ружье? Ни за что. Я его боюсь. Я его такъ боюсь, что даже на военную службу не пошелъ, заболѣлъ.

Анна Ник.: — Заболѣли? Что же у васъ доктора нашли?

Баронъ: — Очень много. Три тысячи нашли. Нѣтъ, я ружье ни за что въ руки не возьму. По-моему такъ трудно отличить, гдѣ у него лафетъ, гдѣ у него дырка.

Анна Ник.: — Лафетъ? У ружья прикладъ, а не лафетъ.

Баронъ: — Прикладъ это у портного. Ахъ, не спорьте, пожалуйста, мнѣ портной за послѣдній костюмъ поставилъ въ счетъ триста рублей за прикладъ, такъ ужъ я не ошибусь.

Анна Ник.: — Ахъ, Боже мой! Какъ онъ спорить! Я сама читала въ газетахъ, что одинъ солдатъ убилъ нѣмца прикладомъ. Понимаете? Не дуломъ, а прикладомъ. Значитъ, изъ приклада тоже можно стрѣлять.

Баронъ: — Мой портной тоже убилъ меня прикладомъ, однако, ружье тутъ не причемъ. Нѣтъ, chérie, вы женщина, вы ничего въ военной техникѣ не понимаете.

Анна Ник.: — Я вамъ не женщина, а делегатъ Д. о. п. ж. о. р. п. и. к. с. б. м. Вотъ кто я. И отъ лица д. о. п. ж. о. р. п. и. к. с. б. м. я спрашиваю васъ: согласны вы спасти Россію или нѣтъ?

Баронъ: — Гм... Я, конечно, не прочь, но...

Анна Ник.: — Отвѣчайте категорически: согласны ли вы поступить къ намъ въ Наполеоны? Да, или нѣтъ?

Баронъ (подумавъ): — А сколько жалованья?

Анна Ник.: — Да рублей восемьдесятъ дадутъ.

Баронъ. Да вы съ ума спятили. Восемьдесятъ рублей Наполеону? Ха-ха! Баба-метельщица получаетъ двѣсти пятьдесятъ, а Наполеонъ Бонапартъ за спасеніе Россіи — восемьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Да еще рявкой имъ за это и изъ портновскаго приклада пали. Нѣтъ, ищите себѣ другого. Можетъ быть и найдется такой дуракъ. Ха-ха! Восемьдесятъ рублей.

Анна Ник.: — Ахъ, chère garçon, вы не волнуйтесь, мы уладимъ.

Баронъ: — Уладите! Знаю я васъ капиталистовъ. Нѣтъ, передайте отъ меня вашему ме...ме... бе...ке...ке... что я предъявляю свои требованія: пятьсотъ, да-съ, пятьсотъ рублей жалованья и восьмичасовой рабочей день. И скажите, что я вообще соединюсь съ пролетаріями всѣхъ прочихъ странъ и объявляю забастовку.

Анна Ник.: — Ахъ, chère garçon! Значитъ вы все-таки въ принципѣ согласны идти въ Наполеоны? Счастливый! Счастливый! Ахъ, я такъ мечтала сыграть тоже какую-нибудь роль въ нашей революціи. Быть, напримеръ, Маріей Антуанеттой и сложить голову подъ ножомъ гильотины. Но говорятъ, теперь ни одной гильотины днемъ съ огнемъ не найдешь. Не заказывать же мнѣ ее на собственные средства.

Баронъ: — Вы можете быть Шарлоттой Корде.

Анна Ник.: — А кто же Маратъ?

Баронъ: — Гм... Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ. Надѣньте бѣлый чепчикъ и когда Совѣтъ отправится брать ванну...

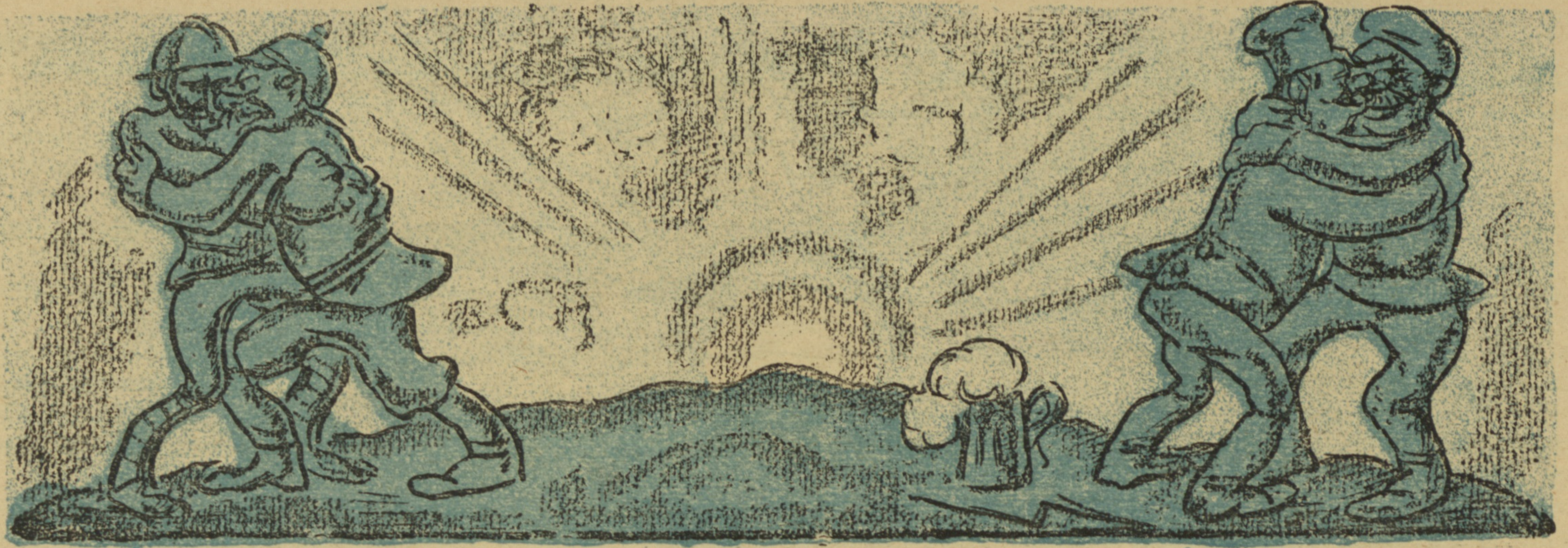
Анна Ник.: — Да, да, чепчикъ и передничекъ. Сколько аршинъ нужно на передничекъ?

Баронъ: — Chérie! Ниинишъ! Вы будете очаровательна! Поцѣлуйте меня, Ниинишъ!

Анна Ник.: — Я не знаю... я не уполномочена отъ д. о. п. р. п.

Баронъ: — Ну, въ виду важности момента, единоличное рѣшеніе. Скорѣй, скорѣй, потому что я сейчасъ уже начинаю забастовку (цѣлуетъ ее).

и что оказывается днемъ.

Анна•Ник.: — Ахъ!.. А можетъ быть можно забастовку отложить? Я какъ уполномоченная отъ лица о. п. ж. о. р. п. и. к. с. б. ш. (послѣ каждой буквы, онъ ее цѣлуетъ) соглашаюсь удовлетворить предъявленныя вами требованія... единолично. Въ виду важности момента.

Тэффи.

МИРНОЕ ЖИТИЕ.

„Бывшій цррь и его семья въ настоящее время съ увлеченіемъ занимаются огородничествомъ“.

(Изъ газетъ.)

Мы, наши чада и сродники,
Съ прошлымъ порвавъ навсегда,
Стали теперь огородники —
Мирныя дѣти труда.

Дали намъ всѣмъ по лопаточкѣ,
Дали намъ всякихъ сѣмянъ, —
Мы же, одѣвши перчаточки,
Стали играть въ поселянъ.

Вотъ ужъ теперь не привяжется
Къ намъ ни одинъ часовой:
Мы ужъ по совѣсти, кажется,
Хлѣбъ отработаемъ свой.

Просто не жизнь, а симфонія —
Легокъ и сладостенъ трудъ!
Право, не зналъ и на тронѣ я
Этакихъ чистыхъ минутъ.

Все же порою случается —
Правду сказать мы должны —
Счастье семьи омрачается
Нервами нашей жены.

Ходитъ печальной вдовицею —
(Гриша испортилъ въ конецъ)
Бредитъ, бѣдняжка, столицею,
Дорогъ ей царскій вѣнецъ.

Много хлопотъ и съ Алешею:
Милъ ему старый режимъ...
Молодъ, но мыслью хорошею
Крѣпко малышъ одержимъ.

Часто, всю душу царапая,
Мнѣ задаетъ онъ вопросъ:
«Буду ли царствовать, папа, я?
Я вѣдь для этого росъ».

Трудно, но все-таки плаваю,
Дѣло святое — семья...

Будешь, мой мальчикъ, со славою...
Будешь... какъ царствую я.

Только затихнетъ наслѣдничекъ,
Старшая дочка — къ плечу,
Слезно смеясь въ передничекъ:
Замужъ, молъ, выйти хочу.

Сыщешь ли принца мнѣ, папочка?
Я самодержца, вѣдь, дочь...
— Трудно, но я тебѣ, лапочка,
Все жъ постараюсь помочь.

Саша ужъ тутъ взъерепенится,
Ну и начнетъ и начнетъ:
Скоро ли время измѣнится,
Скоро ль очнется народъ?

Ито жъ потеряли достоинство
Нашей державы столпы?
Гдѣ твое вѣрное воинство?
Гдѣ твои, Ника, попы?

Что жъ не помогутъ угодники,
Мало ль ихъ что ли у насъ?...
Саша... вѣдь мы... огородники,
Саша, не время сейчасъ...

Ахъ, отъ неистовства женина
Я бы въ конецъ занемогъ,
Если бъ намъ милаго Ленина
Не дали Вилли и Богъ...

Нынче прочелъ съ удовольствіемъ —
Что-то неладно въ странѣ:
Будто въ связи съ продовольствіемъ
Стали вздыхать обо мнѣ.

Также еще въ Кишиневѣ я
Вижу зачатки зари...
Больше, друзья, хладнокровія...
Сашенька, заступъ бери.

Альми.

Рис. Миссъ.

ДВА ДНЯ ОДНОГО БУРЖУА.

(Разсказъ для исторіи. Арк. Бухова.)

Это было въ 1911 году. Если хотите — въ 1912. Больше того — въ 1913. Молодой буржуа Сережа Домашевъ вышелъ на улицу, остановился около извозчика и презрительно произнесъ:

— Плю-о-хая, братъ, у тебя лошаденка... Очень даже плохая.

Извозчикъ внимательно осмотрѣлъ свою лошадь, горько чмокнулъ губами и съ конфузливимъ сожалѣніемъ подтвердилъ:

— Да, ужъ лошадка того... Одно слово — мужицкая.

— Таковую бы лошадь на сломъ, — предложилъ Сережа Домашевъ, — можетъ изъ шкуры что-нибудь и вышло.

— Да, ужъ оно что же... Да, ужъ оно конечно... — винсвато пробормоталъ извозчикъ, — можетъ прикажете довезти вашу милость?

Его милость неохотно сѣлъ въ пролетку и, лѣниво зѣвнувъ, добавилъ тономъ христіанскаго всепрощенія.

— Вези, что ли... «Эльдорадо» знаешь?..

Почувствовавъ, что ему поручена отвѣтственная миссія отвезти Сережу Домашева, извозчикъ напрягъ мускулы, вынулъ кнутъ, похожій на среднюю оглоблю, и сталъ медленно издѣваться надъ лошадью. Лошадь прыгала, бѣжала, пробовала переходить на неувѣренныя скачки, а Сережа изрѣдка постукивалъ набалдашникомъ палки по спинѣ извозчика и недовольно тянулъ:

— Скорѣе бы ты, что ли... Сорокъ копеекъ тоже деньги...

Получивъ сорокъ копеекъ, извозчикъ долго кланялся съ козель и задумчиво кивнулъ вслѣдъ Сережѣ.

— Хорошій баринъ... Бѣлую кость скрозь пиджакъ видно...

Швейцаръ, отворявшій дверь, увидѣвъ Сережу, какъ бы въ испугѣ откинулся назадъ и сейчасъ же рѣшительнымъ и точнымъ движеніемъ согнулся вдвое, какъ листъ писчей бумаги подъ опытной рукой молодого конторщика.

Вѣшалщикъ дрожащими руками принялъ Сережину шляпу и палку, точно не вѣря своимъ глазамъ, что ему, скромному человѣку, поручено положить на вѣшалку это чужое сокровище.

А Сережа, подправивъ передъ зеркаломъ прическу, сухо замѣтилъ:

— Ты бы эту хамскую манеру бросилъ, перчатки какъ попало складывать...

Вѣшалщикъ жалобно улыбнулся и слабо пробормоталъ:

— Перчаточки... Слушаю-съ... Будьте покойны ваше сія...

Радостно видѣть встрѣчу матери съ сыномъ, котораго она не видѣла четыре года, радостно видѣть встрѣчу двухъ сестеръ подростковъ, но еще болѣе сильное впечатлѣніе оставляла встрѣча Сережи съ метрѣ-д'отелемъ и двумя лакеями...

— Господинъ хочетъ кушать? — взволнованно спросилъ метрѣ-д'отель, чувствуя, что не подтвержденіе этой догадки окончательно убьетъ его.

— Если бы я хотѣлъ играть въ крокетъ, я бы сюда и не пришелъ, — рѣзко замѣтилъ Сережа. — Карточку!

Какъ, нѣкогда въ Калифорніи жадныя пришельцы набрасывались на видимое золото, сбивая съ ногъ прислугу и мѣстныхъ людей, метрѣ-д'отель и лакей бросились по сторонамъ за карточками.

Сережа любилъ разсматривать моню; съ молодости въ немъ была заложена страсть къ чтенію.

— Ты отойди, — предупредилъ онъ одного лакея, — отъ тебя пахнетъ укропомъ. Не люблю.

— Никакихъ укроповъ, — строго замѣтилъ метрѣ-д'отель, — отойди. Завтра я тебя расчитаю.

— А у этого лѣдо кривое, — обиженно добавилъ Сережа, — слугъ хорошихъ нѣтъ. Принеси-ка мнѣ икорки, а потомъ...

Лакей съ кривымъ носомъ умоляюще посмотрѣлъ на Сережу:

— Неужели господинъ не попробуетъ нашихъ свѣжихъ огурчиковъ?

Сережа недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Ты еще здѣсь? Ну, тащи огурцовъ. Да поскорѣе... А то пойдетъ со своими хамскими ногами ковыряться...

Стоить ли описывать ужинъ, въ теченіе котораго Сережа шесть разъ вызывалъ управляющаго и жаловался, что если лакеи не умѣютъ въ этомъ ресторанѣ ходить не верблужьей поступью и мѣшать смотрѣть на эстраду, то онъ, Сережа Домашевъ...

— Слушаю... Такъ-съ... Слушаю-съ... Непремѣнно же прикажу... Завтра не будетъ...

Шофферъ, который везъ Сережу домой, добился своего: за ѣзду, выдающую сильное похмелье, былъ отправленъ въ участокъ не столько для окончательнаго вытрезвленія, сколько для обученія тому, что нельзя разговаривать, не снимая фуражки и ковыряя пальцемъ въ зубахъ.

Засыпая, Сережа что-то вспомнилъ, позвонилъ и пришедшей горничной официально замѣтилъ:

— Во-первыхъ, когда васъ зовутъ, вы должны подниматься сейчасъ же, во-вторыхъ, не смѣете, какъ это было третьяго дня, звать къ себѣ какихъ-то солдатъ въ гости... Что еще я хотѣлъ сказать?

Горничная подумала и искренно отвѣтила:

— Не знаю-съ.

— А въ-третьихъ...

Сережа внимательно осмотрѣлъ шею неприкрытую ночной кофточкой и потрогалъ понравившееся ему пространство пальцемъ.

— Да... Ничего...

И когда смущенная горничная быстро юркнула въ дверь, меланхолически протянулъ:

— И не надо... Хамка. Никакихъ порывовъ...

И уснулъ.

Это было въ 1917 году. Если хотите — и въ 1918.

Сережа Домашевъ вышелъ изъ дома и остановился около извозчика.

— Тебѣ что? — мрачно спросилъ тотъ, — что я тебѣ памятникъ, что ли?

— Ужъ вы скажете, — сконфузился Сережа, — такъ, на лошадку посмотрѣть захотѣлось. Очень симпатичное лицо. Какъ изволите звать ее?

— Лошадь-то? Машкой.

Сережа подумалъ и вѣжливо снялъ шляпу:

— Марья Петровна, навѣрное? Очень пріятно познакомиться. Домашевъ.

— Тебѣ-то, чорту буржуйному, пріятно, а моя лошадь этого не любитъ. Не такъ воспитывалъ. Тебя, можетъ, свезти куда?

Сережа застѣнчиво помялъ перчатки.

— Я, конечно, не настаиваю, но если вы ничего не имѣете про...

— Садись. Красненькая.

Черезъ десять минутъ, въ теченіе которыхъ лошадь спокойно шагала за большой подводой съ дровами, Сережа только спросилъ:

— Не находите ли вы, гражданинъ, что пѣшкомъ я бы скорѣе достигъ мѣста своего назначенія?

Извозчику эта мысль понравилась.

— А и право. Смотри жъ ты: баржуй, а не идѣть. Давай красненькую и иди. Наше дѣло уже такое.

— А можетъ быть вы поѣдете поскорѣе?

— Сиди ужь, коли посадили. На кладбище тебя быстрѣ повезуть, чорта крахмального...

У подвѣзда шантана швейцарь сдѣлалъ все возможное, чтобы засвидѣтельствовать Сережѣ свое почтеніе, какъ постоянному посѣтителю. Онъ даже позволилъ ему открыть двери и не обругалъ его, когда тотъ издали еще снялъ шляпу. Руки Сережиной онъ, правда, не принялъ, но по лицу было видно, что онъ не особенно сердится.

Вѣшалщикъ былъ настроенъ хуже, и для того, чтобы не обременять себя Сережиной шляпой и палкой, онъ умѣло соединилъ ихъ въ одно цѣлое, красивымъ жестомъ проткнувъ хрупкую солому изящной тросточкой, и сложилъ рядомъ съ чьими-то калошами.

— А ловко это у васъ выходитъ, товарищъ, — упавшимъ голосомъ похвалилъ Сережа. — Очень весело.

— Который посѣтитель, такъ съ нимъ иначе нельзя. Разбаловался ужь очень, — откидывая похвалы, пояснилъ вѣшалщикъ, — дѣло теперь общее. Не хочешь — не ходи.

Такого же мнѣнія держался и лакей, которому Сережа вѣжливо поправилъ галстухъ и снялъ пушинку съ локтя.

— Куда впередъ? Садитесь, гдѣ мѣсто есть.

— Да здѣсь кто-то уже сидитъ, кажется...

— Подвинется. Попили нашей кровушки, теперь пораздвинетесь...

Черезъ полчаса худо скрытаго невниманія, чужой лакей машинально остановился около Сережи и, позвывая, спросилъ.

— Чего надо?

Обрадованный Сережа заигралъ пальцами и сказалъ:

— Карточку, голубчикъ...

Лакей улынулся хорошей славянской улыбкой и ушелъ. Немного позже онъ появился въ залъ съ поваромъ и показывая на Сережу, рассказывалъ что-то, повидимому, очень смѣшное. Поваръ снисходительно улыбался.

— Вамъ подають?

Сережа радостно обернулся къ спрашивавшему.

— Нѣтъ, нѣтъ. Дайте мнѣ, пожалуйста, салатъ изъ омаровъ...

— Очень вкусная вещь. Самъ не могу съ полчаса допроситься. Мнѣ тоже не подають.

И въ первый разъ въ жизни Сережа былъ опечаленъ, что его собесѣдникъ не оказался лакеемъ.

Наконецъ лакей пришелъ, вынулъ книжку и началъ записывать:

— Салатъ изъ осетрины одинъ... Ромштексъ съ лукомъ... Нарзанъ...

Потомъ перечиталъ и рѣшительно заявилъ:

— Сейчасъ отбивную подамъ. Очень вкусная.

— Я не хочу отбивную...

— А ежели у меня отбивная на очереди? — бросилъ лакей вѣскій доводъ. — Я ее ѣсть буду?

— Знаете, голубчикъ, — ласково уронилъ Сережа, — такъ не хочется отбивную, такъ не хочется...

— Да ужь хотѣтся чему тамъ, — согласился лакей, — холодная, да и въ сколькихъ рукахъ перебывала.

И добавилъ:

— Сейчасъ принесу.

Сережа внимательно осмотрѣлъ котлету, пожалъ руку лакею и спросилъ:

— Ну, какъ дѣтишки? Какъ младшенькій?

Лакей посмотрѣлъ на эстраду и бросилъ въ пространство:

— Къ чужимъ дѣтямъ присыпается, чортъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Сережа самъ шелъ на розыски пищи, а котлета лежала на столѣ, съ воткнутой въ нее визитной карточкой, на которой Сережа написалъ:

«Прошу не трогать. Дорога, какъ память».

Ушелъ Сережа изъ ресторана благополучно, если не считать эксцентричности дежурнаго официанта у входа, который задержалъ Сережу за рукавъ и долго предлагалъ выпить съ нимъ остатки соуса съ сосѣдняго стола на брудершафтъ.

Швейцарь, получивъ три рубля, быстро отсчиталъ потертыми марками шесть гривенъ, прибавилъ ихъ къ зеленой бумажкѣ и сунулъ все это въ руку Сережѣ.

— Женѣ отдай. Скупища буржуйная...

Въ автомобилѣ Сережа хлопотливо высчитывалъ: стоитъ ли шофферу покупать особнякъ, если онъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можетъ заработать на самостоятельное небольшое княжество, гдѣ-нибудь въ Албаніи, или Сѣверной Корей.

Шофферъ былъ, наоборотъ, ближе къ реальной жизни и, остановившись около какой-то ночной чайной, ушелъ вмѣстѣ съ подручнымъ куда-то навстрѣчу.

Черезъ полчаса подручный наскоро сбѣжалъ внизъ, приоткрылъ дверцу и увѣдомилъ Сережу.

— Иванъ Егорычъ велѣли передать, что они чай пьютъ и просили, чтобы я васъ постерегъ. «Смотри, говоритъ, Колька, какъ бы этотъ хахаль не удралъ... «Такъ что ужь вы къ стеклу поближе, а я изъ окошка понаблюдаю».

Шофферъ попался добрый и рѣшительно отказался отъ обвиненій, несмотря на то, что внезапно проснувшійся въ Сережиномъ подвѣздѣ милиционеръ внезапно разсердился и пригрозилъ, что отправить Сережу въ комиссаріатъ, такъ какъ вообще не довѣряетъ крупной буржуазіи и знаетъ, кто и гдѣ торгуетъ спиртомъ. Дома Сережа сейчасъ же легъ въ постель, но потомъ вскочилъ поблѣднѣвшій съ постели и торопливо началъ писать записку горничной.

«Многоуважаемая Анна... Семе...» Зачеркнулъ. «Анюта...» Задумался, потомъ зачеркнулъ, обхватилъ голову руками и мучительно посмотрѣлъ въ окно. Наконецъ рѣшился и написалъ: «Горничной Аннѣ Семеновнѣ Дидяковой. Квартировладелецъ С. Домашева. З а я в л е н і е».

Симъ напоминаю Вамъ, о Вашемъ обѣщаніи вычистить мнѣ завтра желтые ботинки, а также приобрести одну газету умѣреннаго направленія. Что же касается тѣхъ четырехъ солдатъ, которые въ ночь на 7-е у Васъ на кухнѣ пѣли бытовые пѣсни степной и черноземной Россіи, а послѣ высказывали пожеланія провести остатки журфикса въ моемъ кабинетѣ, я очень сожалею, что Вы не разбудили меня и не познакомили съ Вашими друзьями. Въ разлагающемся буржуазномъ обществѣ я считаюсь приятнымъ собесѣдникомъ, а тутъ я удвоилъ бы свои старанія, показаться веселымъ и находчивымъ малымъ. Очень, очень жалѣю. Надѣюсь, что слѣдующій разъ...

Мой привѣтъ Вашей почтенной женщинѣ изъ деревни которая спитъ въ столовой. Еще разъ извиняюсь. Готовый къ услугамъ С. Домашевъ».

Потомъ уснулъ.

Арк. Буховъ.

ОКЛЕВЕТАННЫЕ.

Гос. контролеръ Годневъ опубликовалъ что «Новое Время» получило въ концѣ 1916 г. субсидію отъ правительства въ 800 тысячъ».

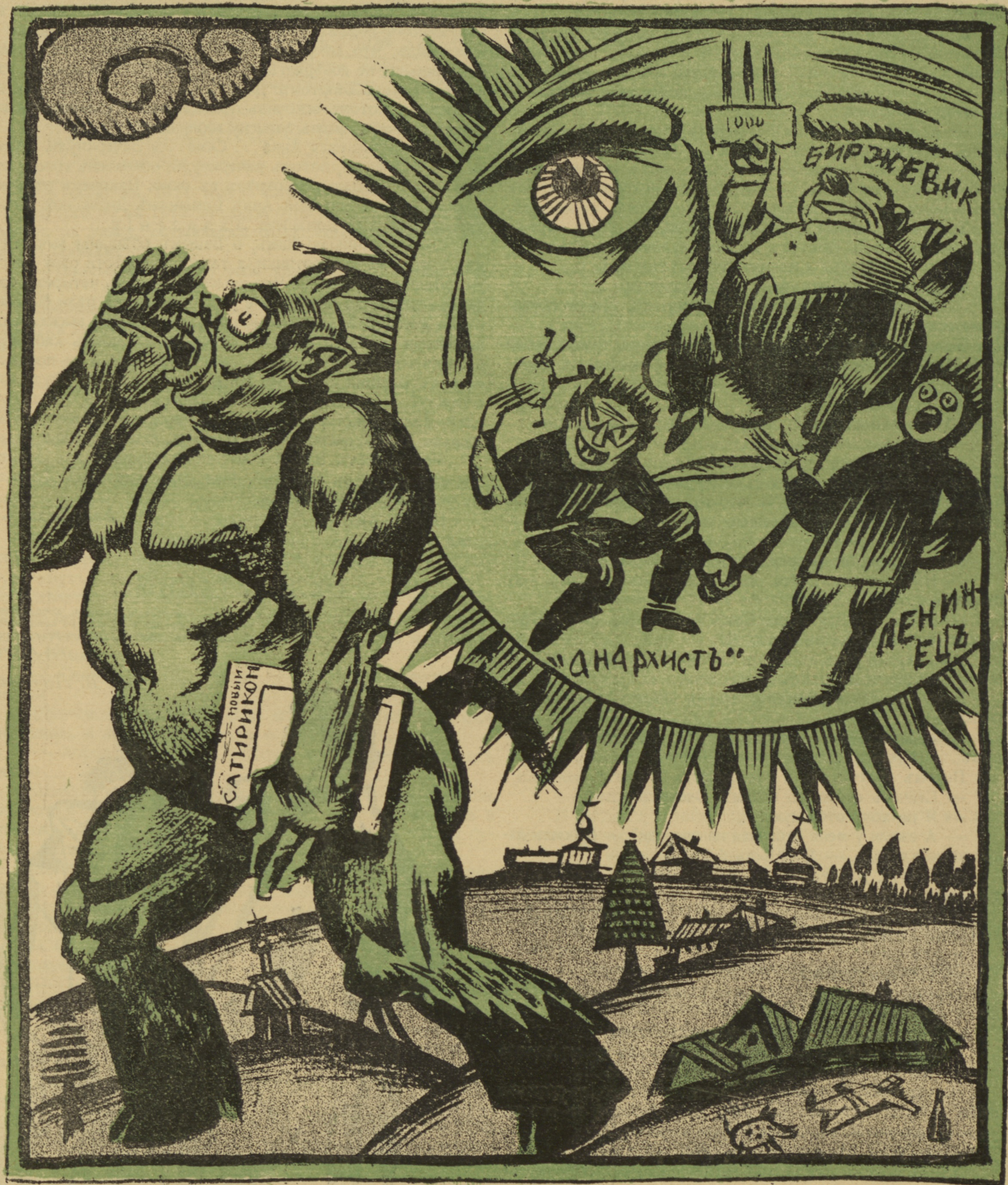
(Изъ газетъ.)

Рис. В. Лебедева

Суворинъ: — Товарищи-сотрудники! Пора разсіять эту клевету, во-первыхъ, мы получили не въ концѣ, а въ серединѣ года, а во-вторыхъ, не только мы, а и «Земщина» получила, а въ-третьихъ, изъ 800 тысячъ какихъ-нибудь триста рублей и осталось — стоитъ ли объ этомъ говорить... Долой клевету на свободную печать...

ЗАКОННАЯ ПРОСЬБА.

Сатириконъ: — Граждане! Уберите эти пятна съ солнца свободы!

КРОТКІЕ ГОРОВОУЕ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить...

Это присказка, а сказка впереди...

Всѣмъ, конечно, извѣстенъ старорежимный анекдотъ о городовой и пьяномъ? Существовало такое постановленіе начальства, что городовой могъ арестовать пьянаго и отвести его въ участокъ лишь тогда, когда пьяный упалъ на землю. До тѣхъ же поръ, пока пьяный еще держится на ногахъ, онъ для городского неприкосновененъ...

И вотъ идетъ по улицѣ пьяный, шатаясь, какъ ылинка, подъ нордъ-остомъ, но на лицѣ широкая блаженная улыбка, въ сузившихся глазахъ — самоувѣренность и сознание своего права:

— Пока стою на ногахъ, посмѣй-ка меня тронуть!

А за нимъ, какъ шакалъ за раненымъ оленемъ, упорно и настойчиво шагаетъ городовой.

Онъ терпѣливо ждетъ, когда благородная дичь свалится и на нее можно будетъ обрушиться всей силой своихъ лапъ.

Такъ и бредутъ они оба черезъ весь городъ, одинъ сзади, — упорный, терпѣливый законникъ, другой впереди, — весь обвисшій, обмякшій, но еще сознающій, что единственно, что дѣлаетъ его неприкосновеннымъ — это вертикальное положеніе...

Упади онъ — конецъ. Мракъ. Отчаяніе. Участковые скорпионы, заушеніе и мордобой.

Амплитуда колебаній пьянаго такова, что всѣ прохожіе въ ужасѣ шарахаются отъ этой падающей, но не могущей упасть пизанской башни.

И почти всякій понимаетъ, что эта колеблющаяся и спотыкающаяся фигура на приличной людной улицѣ — верхъ непристойности, верхъ разгильдяйской глупости, но ничего не подѣлаешь — законъ. Разъ человекъ не упалъ — онъ такой же полноправный прохожій, какъ и другіе.

Но вотъ шаги его дѣлаются все неувереннѣе и неувереннѣе... Раза два онъ сильно споткнулся, одинъ разъ обрушился даже всей тяжестью своего распухшаго, налитаго спиртомъ тѣла на проходящую дѣвушку... И въ отвѣтъ на ея крикъ, полный ужаса и возбужденія — городовой только развелъ руками:

— Пока ничего не могу сдѣлать. Не dospѣлъ.

И вотъ, наконецъ... шаги дѣлаются все слабѣе, слабѣе... Вотъ онъ покачнулся, задержался на мгновение въ наклонномъ напряженномъ положеніи и тяжело рухнулъ на каменные плиты троттуара.

— Сто-ой! — кричитъ онъ, приподнимаясь съ усиліемъ на одномъ локтѣ. — Я еще не упалъ. Не смѣй касаться! Я сейчасъ встану.

И стоитъ надъ нимъ молчаливый городовой и спокойно наблюдаетъ жестокую борьбу человека съ алкоголемъ. Ждетъ.

— Вр-решь, братъ! Не возьмешь!.. Встану!..

Но подворачиваются ослабѣвшая рука, и снова рушится въ растяжку грязное пьяное животное.

И тутъ по лицу его расплывается жалкая, безсильная улыбка:

— Вотъ теперь забирай. Твоя взяла.

Это присказка, а сказка впереди.

* * *

Заключается же она — сказка эта — въ томъ, что роль безобразнаго пьянаго, обрушивающагося на прохожихъ и угрожающаго движенію, взяли на себя анархисты и большевики, совершенно разнуздавшіеся, призывающіе къ грабежамъ, захватамъ и убійствамъ.

Бредутъ они черезъ всю Россію, пьяные отъ безнаказанности и жажды крови, а за ними тихо и кротко шествуетъ городовой въ видѣ Временнаго Правительства, и на лицѣ его написано такое благоговѣйное преклоненіе передъ свободной личностью гнуснаго пьяницы, что оторопь беретъ:

— Да, что вы на него смотрите! — вопятъ шарахающиеся въ сторону прохожіе. — Схватите его и отведите въ участокъ! Пусть проспится.

— Не могу-съ, — отвѣчаетъ благородно-настроенный городской. — Пока не упалъ, онъ такой же гражданинъ, какъ и вы. Вотъ если рухнетъ на землю, если падетъ въ фигуральномъ смыслѣ, если пролетѣтъ чью-либо кровь, если перерѣжетъ десятка два вашихъ родныхъ и знакомыхъ, тогда другое дѣло. Тогда участка ему не миновать.

А пока?

И пустѣютъ улицы, и бѣгутъ мирные граждане — кто, куда, а по пустынной улицѣ бредетъ, пошатываясь, пьяный,

Рис. В. Лебедева.

Контръ-революція.
(Новѣйшее пугало.)

нагруженный до самых ушей бомбами, пироксилиновыми шашками и пулеметными лентами.

— Упадетъ! — въ паническомъ страхѣ кричитъ рѣдкій прохожій, сворачивая въ переулочекъ. — Стоитъ ему упасть, — все взлетитъ на воздухъ!

— Вотъ когда упадетъ, — благодушно отвѣчаетъ Временно-правительственный городской: — Тогда мы его и тово... Немножечко арестуемъ.

Идутъ оба такъ черезъ всю людную всероссійскую улицу.

Странная, глупая, позорная, нелѣпая процессія.

— Вѣдь упадетъ! Хватайте скорѣе его за воротникъ.

— Подождите, упадетъ, — тогда и схватимъ.

* * *

Если бы наше Временное Правительство и Совѣтъ Р. и С. Депутатовъ были частными лицами, этакой воркующей парочкой, и если бы къ нимъ однажды ночью забрались въ квартиру разбойники, — я представляю себѣ классическій диалогъ между супругами:

— Машенька! Ты закрывала на ночь окно?

— Ну, какъ же! На задвижку закрыла.

— Вотъ странно, а оно открыто. И даже кто-то, я вижу, въ него лѣзетъ.

— Гм! Кто бы это могъ быть?

— Не знаю. Какія-то незнакомыя лица.

— А, можетъ быть, это кто-нибудь изъ нашихъ родственникововъ?

— Ну, что за вздоръ, Вася, — какой родственникъ можетъ въ три часа ночи лѣзть въ запертое окно третьяго этажа?!

— Интересно, что имъ нужно?

— Не постигаю! Вася!

— Ну?

— Это, можетъ быть, какіе-нибудь нехорошіе люди?

— Ну, что ты, Машенька, — откуда же они возьмутся? Всѣ люди хорошіе.

— У одного я вижу въ рукѣ ножъ...

— Дѣйствительно, ножъ. А вилки и ложки не видно.

Вотъ чудакъ.

— А вдругъ они насъ ограбятъ?

— Ну, какъ можно оскорблять людей такимъ подозрѣніемъ?!

— Револьверъ близко?

— Револьверъ у меня въ комодѣ, въ нижнемъ ящикѣ...

Вотъ я ихъ сейчасъ спрошу о цѣли такого страннаго поздняго визита. И если изъ ихъ отвѣта выяснится, что они дѣйствительно хотятъ намъ принести вредъ, то я выну изъ кармана брюкъ, которая висятъ въ шкафу, ключъ отъ комода, открою комодъ, выну револьверъ и, зарядивъ его, пригрожу имъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

— Такъ дѣлай же это скорѣй!

— Постой, другъ мой! Раньше нужно съ ними поговорить, выяснить... А вдругъ они просто заблудившіеся люди! Вотъ я сейчасъ... Здравствуйте, товарищи! Смѣю спросить, чѣмъ обязанъ... постоитъ, что вы!!! я... кр... кр... кар-рауль, убив-в...

Поговорилъ.

Арк. Аверченко.

ТОВАРИЩЪ-БОГИНЯ.

— Товарищи! Я ее знаю!.. Это Афина-Паллада! Доколѣ же она будетъ стоять вооруженной по приказу древнегреческихъ имперіалистовъ? Долой оружіе, гражданака!

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Республиканцы.

Смѣшно смотрѣть на человѣка, когда онъ начинаетъ въ суматохѣ пожара спасать отъ растерянности вмѣсто своей перины водосточную трубу. Еще смѣшнѣе, когда это происходитъ въ политической жизни.

Какъ сообщаютъ газеты:

состоялось собраніе центрального комитета 17 октября. Прибывшій А. И. Гучковъ доложилъ объ организаціи изъ состава членовъ Гос. Думы и примыкающихъ къ октябристамъ — новой партіи, объединяющей буржуазные демократическіе элементы.

Партія будетъ защищать республиканскія либеральныя идеи.

Врядъ ли партія 17 октября будетъ такъ умѣло защищать республиканскія либеральныя идеи, какъ она совсѣмъ еще недавно грудью стояла за идеи консервативно-монархическія. Республика можетъ быть спокойна, если у ней будутъ такія друзья. Конечно, не за себя, за нихъ. Ея можетъ и не быть, а они-то останутся.

Узнаемъ коней ретивыхъ...

Повидимому, никакая полиція безъ поддержки пулеметовъ обойтись не можетъ.

Въ гор. петроградскую думу явилась делегація отъ милиціи съ престраннымъ заявленіемъ.

Делегаты объявили, что ихъ не удовлетворяетъ задуманная реформа милиціи.

Они предлагаютъ свои условія. Заплатить имъ за все прошлое время по 150 р. въ мѣсяць. Въ будущемъ выдавать 12 р. въ день за 8 ч. работы. На фабрикахъ и заводахъ — рабочая милиція за счетъ „капиталистовъ“.

Но не это главное.

Делегація добавила, что если требованія не будутъ удовлетворены, — они выступятъ активно и за нихъ поднимутся 2 пулеметныхъ полка и 1 конный — полностью.

Эту цитату необходимо вставить въ ту главу учебниковъ полицейскаго права, которая начинается такъ:

— Милиція имѣетъ своей обязанностью охранять тѣ законы тосударства, которые...

Рис. Н. Радлова.

ЛАСТОЧКИ ВЕСНЫ.

(Символическое стихотвореніе.)

Птички весело прыгали,
Въ воздухѣ ножками дрыгали.
Вышелъ поэтъ:
Птичекъ ужъ нѣтъ.
Птички, въ какіе края улетѣли?

Что тамъ — просто, поймали
и съѣли.

Ө. Х.

ЖУРФИКСЪ ТЪНЕЙ.

(Дипломатическая фантазія.)

Тѣни собрались въ уютномъ кабинетѣ загороднаго ресторана. Въ углу мягко вспыхивалъ каминъ, согрѣвая зябущія астральныя тѣла старыхъ призраковъ, на столѣ индѣвѣли бутылки замороженнаго шампанскаго, нахально чванились пузатыя ликерныя бутылки и насвистывали старый нѣмецкій вальсъ важныя кофейники.

Тѣни были разстроены.

Разъ въ годъ они собирались и вспоминали свое прошлое, тѣ далекіе дни, когда всѣ они были еще живыми людьми и ворочали судьбами Европы. Сегодняшній журфиксъ проходилъ грустно.

Высокая бритая тѣнь въ шитомъ камзолѣ и пудреномъ парикѣ ворчливо брюзжала:

— Что они выдумали! Нѣтъ, вы подумайте только, ваше сіятельство, что они выдумали! А?

— Я всегда говорилъ, что революціонеры — ужасный народъ. Вы со мной не соглашались. Я знаю, герцогъ, — признайтесь теперь, — вы даже писали письма этому милому бонвивану Александру, ругали меня... Ну, признайтесь, что старый Непомукъ, князь Меттернихъ вовсе не былъ старымъ осломъ, а даже наоборотъ?

— Да, князь, — печально согласился Талейранъ, — вы не были старымъ осломъ.

Они умолкли, потягивая душистый кофе.

Изъ-за стола всталъ сморщенный старичокъ, канцлеръ князь Горчаковъ.

— Господа! Я долженъ сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе, какъ писалъ одинъ нашъ русскій поэтъ, кажется Дельвигъ. Мы собираемся въ послѣдній разъ...

— Почему?... Почему?... — раздались со всѣхъ сторонъ встревоженные голоса.

— Я въ свое время изволилъ писать вамъ въ циркулярной нотѣ, что «Россія не будируетъ, а только собирается». Событія послѣднихъ дней окончательно упразднили наше сословіе. Господа, — дипломаты больше никому не нужны! Такъ же не нужны, какъ заклинатели змѣй или каменные ядра...

— Канцлеръ, — перебилъ Горчакова эlegantный лордъ Каннингъ, — я не имѣлъ удовольствія знать васъ лично и мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось умереть раньше вашего расцвѣта, но я позволю себѣ не согласиться съ вами. Дипломаты будутъ всегда нужны!

— Нѣтъ, господа, — отвѣтилъ Горчаковъ, — мы никому не нужны...

— Эти русскіе, — ворчалъ Меттернихъ, — всегда хотятъ выдумать что-нибудь оригинальное. Вздоръ!.. Человѣкъ, дайте мнѣ рюмку шартреза...

— Дипломаты не нужны? — вмѣшался въ разговоръ старикъ въ роговыхъ очкахъ, — Канцлеръ, вы всегда относились плохо ко мнѣ и лизали пятки Бисмарку, — не думайте, что я говорю сейчасъ изъ чувства вражды, — но вы абсолютно не правы! Не правы!

— Bravo, Тьеръ! Bravo очковая змѣя, — закричалъ человѣкъ, внѣшность котораго возбуждала одну часть населенія противъ другой.

— Ну вотъ видите, — засмѣялся Тьеръ, — даже нашъ ребѣ Биконсфильдъ и тотъ со мной согласенъ.

— Жидъ, — прошепталъ Меттернихъ.

— Нѣтъ, господа, — снова заговорилъ Горчаковъ, — я позволю себѣ сказать, что мы собрались въ послѣдній разъ. Въ Россіи произошла революція; или какъ я всегда остроумно говорилъ: «коллективное помѣшательство», — не плохо, графъ? Въ Россіи нѣтъ даже министра иностранныхъ дѣлъ...

— Какъ нѣтъ?

— То-есть есть, но онъ носитъ титулъ не канцлера, а «Терещенко». C'est ridicule!.. Мы больше никому не нужны, и я предлагаю навсегда прекратить наши собранія.

— Виноватъ, князь, — вышелъ изъ темнаго угла высокой человѣкъ въ сюртукѣ и каскѣ, — вы кажется позабыли берлинскій конгрессъ?

— Бисмаркъ! — зашептали присутствующіе.

— Вы, кажется, князь, забыли меня, «честнаго маклера»? Нѣтъ, господа, дипломаты не могутъ умереть! Мы, можетъ быть, не нужны въ обычное время, но какъ устроить войну безъ насъ? Никакъ! А главное господа, какъ безъ насъ заключить миръ? Понимаете — миръ! Миръ! Безъ насъ заключить миръ невозможно.

ВОПРОСЪ ТЕОРИИ.

Рис. В. Лебедева.

Милиціонеръ: — Какъ же это вы, гражданинъ громила? У самого такая масса орудій производства, а идете противъ капиталиста...

Горчаковъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ.

— Вы правы, князь... При жизни вы всегда меня обезоруживали, и послѣ смерти вы занимаетесь этимъ нехорошимъ дѣломъ...

— Итакъ, господа, — закончилъ Бисмаркъ, — мы нужны просто потому, что Европа въ скоромъ времени будетъ заключать миръ, и безъ насъ никакъ не обойтись.

Настроеніе присутствующихъ сразу преобразилось. Стало легко, весело и свободно.

Но въ это время изъ отдаленнаго угла вышелъ человѣкъ, одѣтый въ красную кардинальскую мантию.

— Здравствуйте, ваше преосвященство, — обратился къ нему Горчаковъ. — Господа! Кардиналь Ришелье, послѣ десятилѣтняго перерыва, осчастливилъ насъ своимъ присутствіемъ. Кардиналь, навѣрное, былъ кардинально боленъ? Остроумно? Не правда ли?

— Благодарю васъ, друзья мои. Я позволю себѣ заявить, что князь Бисмаркъ и князь Горчаковъ оба неправы. Миръ можно заключить безъ насъ...

— Нельзя!.. Нельзя!.. — загудѣли гости.

— Нѣтъ, можно! Я хотя и старикъ и многого не понимаю въ текущихъ событіяхъ, — они такъ странны, что едва ли въ нихъ разобрался бы даже такой хитрецъ, какъ мой ученикъ Мазарини, но я все-таки изрѣдка читаю вечернія газеты. Друзья мои, русскій маршалъ съ такой странной фамиліей — Керенскій, сообщилъ въ генеральныхъ штатахъ, что какой-то полкъ уже заключилъ миръ съ Германіей.

— Какъ?.. Что это значить?.. Объясните!..

— Да, дѣти мои, — солдаты сами рѣшили и сами подписали трактатъ, уступивъ неприятелю часть территоріи... Вотъ почему я хочу сказать вамъ, что мы, дѣйствительно, уже никому не нужны. Безъ насъ, оказывается можно заключить миръ, и простые солдаты съ успѣхомъ замѣнятъ наше блестящее общество...

ЕДИНСТВЕННОЕ УТЪШЕНІЕ.

Рис. К. Груса.

— Молчи, негодяй, я съку тебя по приговору многолюднѣйшаго собранія правовѣрныхъ Стамбула...

— Бей, но у меня все-таки есть единственное утѣшеніе, что резолюція прошла незначительнымъ большинствомъ голосовъ...

— Я говорилъ вамъ, — закричалъ Меттернихъ, — все эти революціонеры...

Наступило тяжелое молчаніе.

— Миръ безъ насъ? Солдаты заключаютъ миръ безъ дипломатовъ?.. Мы никому не нужны... — рыдалъ въ углу Горчаковъ.

Каннингъ нервно ходилъ изъ угла въ уголь, Биконсфильдъ шепталъ молитвы, Меттернихъ и Бисмаркъ вспоминали прошлые конгрессы, мало-по-малу всѣ присутствующіе начали плакать. Тихія рыданія перешли въ истерическій плачь; уютная зала наполнилась душераздирающими стенамія.

Они плакали...

И только Талейранъ, хмурый и сосредоточенный, что-то вспоминалъ.

— Да... Я зналъ такого человѣка... Онъ тоже умѣлъ дѣлать это безъ дипломатовъ. Онъ это умѣлъ... Хорошо было бы побесѣдовать съ нимъ...

За дверью послышались шаги. Лакей пропустилъ впередъ новаго гостя и громкогласно доложилъ:

— Генералъ Бонапартъ!

Бор. Мирскій.

О Н И.

На Невскомъ проспектѣ, на каждомъ углу,
Великаго бунта уловъ,
Всю ночь они спорятъ — въ бѣлесую мглу
Бросають булыжники словъ.

Заслушались зданья въ больномъ полуснѣ:

Тяжелыя, злыя слова.

Не слово, а глыба. И чудится мнѣ:

Работаютъ жернова.

За день многотрудный, привычно уставъ,
Отъ самыхъ далекихъ концовъ,
Изъ дымныхъ предмѣстій, слободокъ, заставъ
Идутъ они въ городъ дворцовъ.

Надъ слабымъ сильна миновавшаго власть,

А сильному — тринь-трава...

Тяжелому слову нельзя не упасть.

Работаютъ жернова.

Довольно работы. Обилень помоль.

Гудитъ неотесанный валъ.

Какъ вѣникомъ, вихрь возгордившихся смель,

Смететъ онъ и тѣхъ, кто зѣвалъ.

Отъ такой бури не спрятаться въ трюмъ, —

Грозныя бываютъ слова...

Я слышу движеніе тяжелыхъ ихъ думъ, —

Работаютъ жернова.

Иль въ призрачной дымкѣ ночной синевы,

Лишь тѣни снуютъ средь жилищъ

И вѣтеръ, неистовый вѣтеръ съ Невы,

Принесъ ихъ съ далекихъ кладбищъ?

Нѣтъ, прошлое — въ прошломъ, въ гробу, на цѣпи,

А здѣсь — о грянувшемъ слова.

Уснула столица. Великая, спи, —

Работаютъ жернова!

Эмиль Кроткій.

УНИВЕРСИТЕТЪ НА ХОДУ.

„Образовался „Союзъ личнаго примѣра“ для организаціи маршевыхъ ротъ и пропаганды среди уходящихъ на фронтъ о необходимости наступленія.“
(Изъ газетъ.)

Рис. В. Лебедева.

— Товарищи-солдаты! Помните, что во время ураганнаго огня при командѣ „пли“ не слѣдуетъ дожидаться провѣрки этой команды обще-армейскимъ комитетомъ... Это очень неудобно.

АНКЕТА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ пользующійся всемирнымъ распространеніемъ юмористическій журналъ предложилъ своимъ читателямъ отвѣтить на вопросъ о томъ, каково впечатлѣніе, испытываемое ими отъ чтенія журнала. Отвѣтовъ получило множество отъ читателей всѣхъ странъ, и редакция напечатала только нѣкоторые изъ нихъ, выбирая, повидимому, наиболѣе оригинальные.

Нѣмецъ писалъ:

«Вашъ журналъ я читаю по воскресеньямъ въ кругу своей семьи, и мы всѣ очень много смѣемся. На слѣдующій день послѣ чтенія я спрашиваю у моихъ дѣтей, что они запомнили изъ прочитаннаго вчера. Когда оказывается, что они успѣли уже кое-что забыть, то я опять читаю имъ, и мы опять очень много смѣемся. Черезъ нѣкоторое время я снова произвожу такую маленькую провѣрку и снова напоминаю имъ то, что уже читалъ. Такъ я дѣлаю до тѣхъ поръ, пока ваши милыя шутки и остроты не запомнятся всѣми членами моей семьи, и тогда мы въ разговорахъ часто вспоминаемъ ихъ уже безъ всякаго труда и опять очень много смѣемся. Замѣчательный журналъ!»

Французъ ограничился нѣсколькими строками:

«Когда мы съ моей Lolotte начинаемъ скучать, то беремъ вашъ журналъ и воспроизводимъ нѣкоторыя сцены и положенія, изображенныя въ немъ. Это доставляетъ намъ много веселыхъ минутъ».

Изъ Россіи было получено письмо, подписанное группой читателей:

«Грандіозно! Поразительно! Сколько разъ, читая вашъ журналъ, мы обрывали нашъ веселый смѣхъ и съ горестнымъ недоумѣніемъ заглядывали въ самихъ себя, спрашивая: «Боже, какъ неизмѣримы глубины человѣческой души! Въ какія бездны увлекаютъ тебя, человѣкъ, твои страсти, какъ низко можешь ты пасть! Гдѣ твое благородство, гдѣ лучшія стороны твоей натуры?! Всѣмъ этимъ мыслямъ мы обязаны только тѣмъ острымъ уколомъ и хлесткимъ ударамъ, которые такъ беспощадно расточаетъ вашъ журналъ. Спасибо, отъ всей души спасибо!»

Американскій отвѣтъ гласитъ:

«Я затрачиваю на чтеніе вашего журнала въ 16 страницъ въ среднемъ 1 ч. 40 м. Это время мнѣ стоитъ около 560 долларовъ. Такимъ образомъ, чтеніе одной страницы обходится мнѣ въ 35 долларовъ. Произведя такой расчетъ, не могу не признать вашъ журналъ очень хорошимъ».

Наконецъ, англичанинъ прислалъ письмо, въ которомъ говоритъ, что раньше онъ читалъ этотъ журналъ, но увидѣвъ однажды въ немъ карикатуру на англичанина, никогда больше не беретъ его въ руки.

М. А. Ронъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ самомъ началѣ революціи вышелъ альманахъ футуристовъ „Чудо въ пустынь“. Ничто не смогло повліять на этихъ людей.

Если представить себѣ, что футуристы во время составленія альманаха отзывались на всѣ происходившія тогда событія, получится такая картина.

По поводу приказа № 1:

*Отрите слезы! Не надо плакать!...
Мститъ смерти смертью — безсмертно весело.
О сердце сердцемъ прицѣльно звякать...
Лизать подошвое теплое мѣсиво.*

Протестъ по поводу профессиональных требований фабрично-заводскаго пролетаріата:

1.
*На улицы спустился вечеръ зябкій
И горестно мерцалъ въ овалныхъ лужахъ.
Сновали исполнительно лошади,
Стараясь заслужить какъ можно лучше*

*Физическимъ трудомъ свой скромный ужъ нѣ.
Уныло падалъ дождь, сочасъ изъ тучи,
И лошади, зѣвавшія украдкой,
Шептали про себя: „Какъ будетъ сладко,
Домой часовъ въ двѣнадцать воротившись,
Овесъ сначала скушать, утомившись,
Затѣмъ уснуть, къ коллегѣ прислонившись...“*

2.

*О, сколько самообладанія
У лошадей простого званія,
Не обращающихъ вниманія
На трудности существованія!*

Новое слово къ обновленной Россіи:

*За вѣтромъ въ полѣ гонялся глупый,
За ребра рессоръ пролетки ловилъ —
А кто-то солнцемъ, какъ-будто лупой,
Меня замѣтилъ и у моста схватилъ.
И вотъ ужъ счастье. Дымъ вашей походки,
Пушокъ шаговъ я ловить привыкъ.
И мнѣ вашъ взглядъ чужденъ четкій —
На блѣдомъ лицѣ черный крикъ.
Извиняюсь, что якоремъ счастья сразлету
Я за чье-то сердце зацѣпилъ на землѣ.
На поднось улыбки мнѣ, радому моту,
Уже дрожитъ днѣй ржавыхъ желе.*

Недаромъ же задержалось образованіе министерства искусствъ. Если и то, что мы процитировали — искусство, такъ на него одного министерства общественнаго призрѣнія хватить, не говоря ужъ о томъ, что и канцелярія по государственному коннозаводству еще ближе...

СЕГОДНЯ.

Да, жуть какая-то легла
Надъ каждой мыслью, каждымъ словомъ,
И всякій крикъ изъ-за угла
Грозитъ предчувствіемъ суровымъ.

Въ плухомъ потокъ злобныхъ фразъ,
Гдѣ каждый мигъ клеймитъ кого-то,
Сплелись въ клубокъ — святой экстазъ
И тупость вѣрнаго расчета.

И если ночь, на склонѣ дня,
Несетъ кошмаръ въ призывѣ гулкомъ —
Слѣпая бабица — Рѣзня
Ползетъ по темныхъ переулкамъ.

Здѣсь бой: несущимъ черный крестъ,
Кровавыхъ мыслей и вопросовъ,
Вдругъ кто-то кинулъ свой протестъ:
— Довольно крови. Я — философъ...

Еще моментъ — и разорветъ
Его толпа въ слѣпомъ размахѣ,
И будетъ славить эшафотъ,
Смѣнившій тѣнь забытой плахи.

И если городъ, какъ больной,
Забредитъ новымъ блескомъ стали,
За городской глухой стѣной
Раздастся голосъ: «Мы устали».

Арк. Буховъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Ив. Хмельному. — „До сихъ поръ я писалъ очень много, но нигдѣ не хотѣлъ печатать. Для васъ могу сдѣлать исключеніе“.

Не надо, тов. Хмельной. Можемъ ли мы въ такое отвѣтственное время согласиться на получение исключительныхъ привилегій.

И. Б. Б. — Въ виду экономіи мѣста, ваше стихотвореніе за подписью „Чудакъ“ не будетъ помѣщено: подъ другимъ названіемъ и за подписью — Саша Черный, оно уже было разъ напечатано въ „Сатириконѣ“. Помните, И. Б. Б., что смертная казнь карала не за кражу чужихъ стиховъ, и если она отмѣнена, это еще ничего не доказываетъ.

Савва Рыжому. — Металломъ звучитъ голосъ гражданина Саввы Рыжого:

„Это я говорю,
Свою волю творю —
Я Савва Рыжій
Суровый, безстыжій!..“

Конечно, каждый самъ себѣ исполнительный комитетъ, но идите творить волю въ другое мѣсто. „Н. Сатириконъ“ не требовательный.

Паль-Палычу. — Та сатирическая манера, которую избрал Паль-Палыч для бичевания и уязвления бывших врагов народа — очень проста и доступна всякому небогатому головой поэту:

„Какъ человекъ, какъ патриотъ,
Скажу: вотъ Штурмеръ-идіотъ.
Теперь онъ не въ своей тарелкѣ!
Вотъ Щегловитовъ, жуликъ мелкій.
А также, въ томъ признаюсь я:
И Сухомлиновъ: онъ свинья.“

Бойкое перо у васъ, молодой человекъ. Съ вами свяжись только, а?

Лучше ужъ не связываться. Проходите стороной...

Гамбовская ул. Казраде. — „И всѣ думали, что Катя, которая не любила притворяться, притворяется, хотя она совершенно не притворялась, а наоборотъ, она чувствовала, что ей очень больно изъ-за того, что ей не удалось выяснитъ ничего за Георгія Николаевича.“

Говорятъ — языкъ безъ костей.

Вашъ языкъ счастливое исключеніе — онъ состоитъ изъ однихъ окаменѣвшихъ костей безъ единого кусочка гибкой мускульной ткани.

А. Сьдову. — Какое красивое благородное желаніе:

— „Хочу задѣлаться писателемъ“.

Задѣлывайтесь. Но хотѣлось бы, чтобы эта задѣлка происходила не у насъ. Видимо, эта операція настолько мучительна, что наши нервы едва ли ее вынесутъ.

Б. Провинція.

Сызрань. Г. С—му. — У васъ превратное представленіе о задачахъ маршевыхъ ротъ:

„И вотъ я въ маршевой ротѣ
Сажу на работѣ —
Два года сажу
Въ небо гляжу“.

Можно по разному смотрѣть на цѣли и задачи войны, но изображать маршевую роту уютнымъ уголкомъ для лѣтняго отдыха людей, случайно не подыскавшихъ дачу, не стоитъ. Для этого есть другія мѣста.

Томскъ. Валюсъ. — Валюсъ пишетъ: „Въ нашемъ городѣ есть очень много смѣшного, но никто не умѣетъ описать. И я тоже не умѣю. Что же дѣлать?“

Положеніе, дѣйствительно, безвыходное. Срочно посылаемъ въ Томскъ комиссара „Нов. Сатирикона“.

Арк. Б.

Редакторы: { Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги: Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадія Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.
Цѣна 2 рубля.

Отъ редакціи.

Въ виду запросовъ новыхъ подписчиковъ, контора редакціи извѣщаетъ, что подписка на „Нов. Сат.“ на 1917 г. принимается только на цѣлый годъ съ платой 11 р., со всѣми приложениями, объявленными ранѣе. Новымъ подписчикамъ журналъ будетъ высланъ только съ 16 №

Вышло въ свѣтъ
четырнадцатое изданіе
КНИГИ

Аркадія Аверченко.

„ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
VI томъ пьесъ АРК. АВЕРЧЕНКО. VI томъ пьесъ

„ПОДЪ ХОЛЩЕВЫМИ НЕБЕСАМИ“.

„Галочка“, „Двойникъ“, „Жоржикъ“, „Сердце молодой дѣвушки“, „Обручальное кольцо“ и друг.

5-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

РАБОЧЕЕ „ДВИЖЕНИЕ“ ВЪ РОССІИ.